

Сюн Цзиньчжоу поставил масляную лампу на столик у кровати, сел сбоку и сказал:

— Подвинься немного, я посмотрю рану.

Нин Гуйчжу посмотрел на него.

Прошло несколько мгновений, и прежде чем Сюн Цзиньчжоу успел почувствовать неловкость, он медленно подался вперёд.

Это тело во многом походило на самого Нин Гуйчжу - врождённая холодная белизна кожи, чистая и ровная, словно тёплый белый нефрит. Однако в этот момент тусклый жёлтый свет лампы даже не успел создать ощущение красоты: чёрно-синие кровоподтёки резко бросились Сюн Цзиньчжоу в глаза.

— Почему так серьёзно... — его брови плотно сошлись. Он осторожно, почти не касаясь, дотронулся до ушибленного места и тут же поднял взгляд, наблюдая за выражением лица Нин Гуйчжу.

Тот тихо промычал и вдруг заговорил, казалось бы, совсем о другом:

— Ты знаешь, почему меня вообще отправили выдавать замуж?

Сюн Цзиньчжоу на мгновение растерялся.

— Почему?

Не ожидавший, что в семье Сюн ему об этом ничего не рассказали, Нин Гуйчжу удивлённо приподнял брови и спокойно пересказал пережитое прежним хозяином тела:

- ...два дня простоял на коленях, и только благодаря заступничеству того молодого господина удалось сохранить мне жизнь.

Нин Гуйчжу обладал всеми воспоминаниями прежнего хозяина тела и даже мог ощущать его тогдашние эмоции, но всё же это было не его собственное переживание. Поэтому, даже находясь под влиянием этих чувств, он говорил довольно ровно, без надрыва. Это кажущееся спокойствие в ушах Сюн Цзиньчжоу прозвучала иначе - словно человек, переживший унижение, нарочно делает вид, будто ему всё равно, лишь бы не дать себя пожалеть.

Сюн Цзиньчжоу опустил взгляд на рану, и в груди у него стало тяжело. Он отвёл взгляд, поднялся, подошёл к сундуку и достал оттуда небольшой фарфоровый сосуд размером с ладонь. Нин Гуйчжу молчал, наблюдая, что тот собирается делать. Сюн Цзиньчжоу снова сел у края кровати, открыл крышку и выскоблил из фарфоровой баночки комок бледно-зеленоватой мази,

растёр его на ладони. Широкая, шероховатая рука легла на колено Нин Гуйчжу, и мужчина поднял на него взгляд.

Нин Гуйчжу: «?»

Голос у Сюн Цзиньчжоу был низкий:

— Будет больно, потерпи.

Нин Гуйчжу только успел подумать, что уж больно-то, наверное, не так страшно, как ладонь на колене вдруг с силой нажала. Резкая боль вырвала у него крик; он инстинктивно попытался отдернуть ногу назад, но не смог. Вся сила Сюн Цзиньчжоу ушла в это движение, и как Нин Гуйчжу ни дёргался, ничего не помогало. В конце концов ему оставалось лишь смириться и повалиться на постель, а в уголках глаз выступили две слезинки.

Застоявшийся кровоподтёк нужно было растирать с силой, без боли тут не обойтись. Сюн Цзиньчжоу опустил взгляд, нарочно не глядя на жалкий вид Нин Гуйчжу, и лишь когда почувствовал, что мазь как следует впиталась, убрал руку, собрал остатки мази и вышел вытереть ладони.

Когда он вернулся, его встретил лишь затылок Нин Гуйчжу.

— Ты злишься? — тихо спросил Сюн Цзиньчжоу.

— Нет, — глухо донёсся голос из-под одеяла.

— Если не злишься, тогда почему спишь, отвернувшись? В прошлые дни ты так не делал.

Нин Гуйчжу: «...»

Помолчав пару секунд, Нин Гуйчжу стянул одеяло, нахмурился и с недоумением наполовину всерьёз сказал:

— Ты же вроде из тех, кто мало говорит?

Фраза звучала странно, но смысл был ясен. Сюн Цзиньчжоу на мгновение развеселился:

— Мало говорить не значит быть немым.

— А... ну да.

Воздух снова наполнился тишиной. В звуках дыхания смешался тихий шорох снимаемой одежды. Сюн Цзиньчжоу забрался на постель и, лёжа на боку, при слабом свете масляной лампы посмотрел на Нин Гуйчжу.

Главой стражи Сюн Цзиньчжоу стал не в последнюю очередь благодаря наблюдательности. Дневные события быстро прокрутились у него в голове; он перевернулся на спину, заложил руки за голову и сказал:

— Если тебе здесь в целом нормально... может, пока останешься?

— ...Да мне и идти-то некуда, — пробормотал Нин Гуйчжу. Ему не нравилась такая задушевная атмосфера, он закрыл глаза и добавил: — Спи. Завтра ещё в горы идти.

Человек рядом притих, но дыхание так и не стало ровным, значит, он ещё не уснул.

Через какое-то время лампа погасла.

Сюн Цзиньчжоу смотрел в чёрный потолок, а в голове снова всплывали улыбка Нин Гуйчжу и то, как он по-хозяйски распорядился делами по дому. Новый супруг умелый, мягкий и к тому же красивый. Поначалу Сюн Цзиньчжоу просто смотрел на него и ничего не замечал, и лишь когда дело дошло до денег, он запоздало почувствовал неладное. Прокрутив весь день ещё раз, он наконец ясно увидел мысли Нин Гуйчжу.

Сюн Цзиньчжоу тихо вздохнул. Он не считал эти мысли неправильными, но на душе всё равно стало тяжеловато. Он долго ворочался, пока сам не заметил, как уснул.

Они оба легли рано и проснулись, едва на горизонте показалась бледная полоска рассвета. Нин Гуйчжу, зевая, сел на постели и услышал, как открывается окно. Он слегка повернул голову: Сюн Цзиньчжоу стоял у окна и, почувствовав его взгляд, обернулся. То, что произошло прошлой ночью, будто было всего лишь иллюзией. Мужчина вёл себя как обычно.

— Доброе утро. Что будем есть на завтрак? — Нин Гуйчжу отбросил размышления, потянулся и, встав, взял лежавшую рядом одежду, чтобы одеться.

Сюн Цзиньчжоу открыл было рот:

— Доброе... мне всё равно, что угодно.

Нин Гуйчжу обулся, развернулся, привёл в порядок постель и, когда вышел из спальни, увидел, что Сюн Цзиньчжоу уже ставит воду греться. Он окинул взглядом припасы в доме и всё-таки не удержался: взял стоявшую сбоку бамбуковую корзину, сказал:

— Я выйду, соберу немного диких овощей. Ты покорми цыплят, и не забудь долить горячей воды в кувшины, пусть остынет.

Сделав всего пару шагов, он вспомнил ещё кое-что, обернулся и добавил:

— Да, и мешки с корзинами, в которых вчера зерно приносили, помой, вечером отнесём обратно.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу с корзиной вышел за дверь, обошёл подбежавшего, льнущего к нему Эрца и распахнул калитку. Эрцай наклонил голову, какое-то время смотрел ему вслед, потом, топоча лапками, побежал на кухню к Сюн Цзиньчжоу, весело виляя хвостом.

Выйдя со двора, Нин Гуйчжу выдохнул тёплый воздух, ощущая прохладу поздневесеннего утра, и направился с корзиной к ближайшему леску. Дикае овощи искать было легко - для Нин Гуйчжу они буквально попадались на каждом шагу. Он присел, собрал те, что были не слишком горькими, и уже собирался возвращаться, как заметил заросли дикого лука. Тогда он снова присел, нащипал лука на одну трапезу и, оглянувшись, положил рядом несколько камней в качестве метки.

Думая о том, что позже стоит выкопать луковицы и пересадить их во двор, Нин Гуйчжу вернулся домой. Увидев его, Сюн Цзиньчжоу поднялся и сказал:

— Овощи давай мне, а ты иди умойся.

— Угу, — Нин Гуйчжу передал ему корзину и напомнил: — Дикае овощи промой несколько раз.

— Понял.

Вода в котле уже закипела. Нин Гуйчжу подлил холодной, остудил до нужной температуры, с тазиком в руках присел у края колодца, зачерпнул чашкой воды, прополоскал рот и сплюнул грязную воду в специально выкопанную рядом квадратную ямку, после чего умылся и вернулся в дом готовить завтрак.

Горячая вода была в самый раз. Нин Гуйчжу насыпал в чашку немного муки и кукурузной крупы, залил кипятком, заварил, затем вымесил и сформировал вуту, сложив их в большую чашку.

Сюн Цзиньчжоу занёс вымытые овощи и спросил:

— Это потом просто обжарить?

— Лук выложи отдельно, а дикорастущую зелень обдай кипятком, — ответил Нин Гуйчжу.

— Понял.

Ошпаренные овощи отложили в сторону, лишнюю горячую воду из котла вычерпали, а Сюн Цзиньчжоу, увидев, что Нин Гуйчжу лепит вутоу, добавил в котёл немного холодной воды.

Нин Гуйчжу сделал теста немного, поставил чашку с вутоу в котёл, накрыл крышкой и жестом показал, что можно разводить огонь. Сам он развернулся, вынул ошпаренные овощи, мелко порубил их, взял яйцо, полученное от старших в семье Сюн, разбил его, добавил нарезанный дикий лук и немного воды, посолил и тщательно размешал.

На приготовление вутоу на пару требовалось время. Закончив с подготовкой ингредиентов и оставшись без дела, Нин Гуйчжу подтащил табурет и сел рядом с Сюн Цзиньчжоу, сторожа огонь в топке.

Сюн Цзиньчжоу: «...»

Вчерашняя неловкость всё ещё сидела в душе, и сейчас ему казалось, будто что-то не так. Но супруг сам сел рядом, и сказать на это было нечего.

Неловко.

Этот самый «неловкий» Нин Гуйчжу будто почувствовал его мысли, повернул голову и вдруг улыбнулся:

— Вчера ещё шутить мог, а сегодня опять в молчаливый кувшин превратился.

Сюн Цзиньчжоу:

— ...Я не...

— Что именно «не»? — Нин Гуйчжу не собирался его отпускать. — Не шутил или всё-таки снова стал молчаливым кувшином?

Сюн Цзиньчжоу молчал.

— Вообще-то мне кажется, здесь вполне неплохо, — продолжил Нин Гуйчжу.

Сюн Цзиньчжоу повернул к нему голову, и тут же услышал дальше:

— Но ты ведь не можешь рассчитывать, что я сразу стану безоговорочно преданным. — Он покрутил в пальцах палочку для подбрасывания дров. — У меня есть способности, я где угодно смогу выжить, я не дурак...

— У меня не было таких мыслей, — попытался возразить Сюн Цзиньчжоу.

Нин Гуйчжу с улыбкой взглянул на него: есть такие мысли или нет - это не тем, что говорят вслух, определяется. В голосе Сюн Цзиньчжоу невольно прозвучала неуверенность, похоже, он и сам себе не до конца верил.

В конце концов именно Нин Гуйчжу подвёл итог:

— Мы уже поженились, так что хотеть от меня преданности - это нормально. Ладно, будем пока просто жить. Я считаю, что у вас люди всё-таки хорошие.

Получив это признание, Сюн Цзиньчжоу невольно улыбнулся и тихо сказал:

— Можешь не сомневаться.

— Сомневаться или нет - это уже по твоим поступкам будет видно.

Нин Гуйчжу встал, приоткрыл крышку котла, проверил, как там вутю, затем достал кувшин с маслом и миску со шкварками, готовясь жарить.

Омлет с зелёным луком и дикие овощи, обжаренные со шкварками - простые, самые обычные блюда, но аромат от них разошёлся по всей кухне. Нин Гуйчжу поставил готовые блюда на маленький столик, а Сюн Цзиньчжоу выгреб из топки дрова, открыл котёл и вынул чашку с вутю, поставив её туда же. В доме не было пароварки, поэтому вутю ставили прямо в чашке - в процессе они слиплись между собой, форма вышла неровной, но, по крайней мере, все были пропарены и готовы.

Нин Гуйчжу взял один вутю, палочками уложил в углубление немного диких овощей и откусил большой кусок. Вутю из кукурузной крупы, даже с примесью пшеничной муки, всё равно не мог быть по-настоящему нежным, но вкус диких овощей и шкварок получился вполне удачным, в целом есть было можно.

Если для него это тянуло на «неплохо», то для Сюн Цзиньчжоу вкус и вовсе был превосходным. Всего сделали семь крупных вутю: Нин Гуйчжу съел один с половиной, но так наелся, что дальше он уже не смог, отложил половинку в чашку, а затем взял ещё один, покрупнее, и вместе с оставшимся пошёл кормить собак.

Он встал из-за стола, а Сюн Цзиньчжоу сложил оставшиеся овощи в одну чашку, перемешал и, заедая ими, съел ещё два вутю. Один последний он убрал в шкафчик.

Пока Сюн Цзиньчжоу мыл посуду, Нин Гуйчжу ходил по двору, выбирая две бамбуковые пластины подлиннее и пошире, оставшиеся со вчерашней обработки бамбука, и ножом срезал у них один конец, делая его ровным и тонким.

Вымытую посуду перевернули, дали стечь воде, затем оба заперли кухню и спальню, оставили собак дома сторожить цыплят и утят, взяли бамбуковую корзину и отправились в горы. Солнце только поднялось, окрасив зелёные леса тёплым светом и объявляя, что новый хлопотный день официально начался.

*Вутоу - пампушки (кукурузные или пшеничные паровые лепёшки). Традиционная китайская выпечка из кукурузной или смешанной муки, приготовленная на пару. Имеет характерную форму с углублением в основании (отсюда название «гнездо»). Часто ассоциируется с простой, крестьянской едой.

<http://bllate.org/book/14958/1336608>